

Терехов Владимир Фёдорович*, ведущий научный сотрудник Центра Азии и Ближнего Востока РИСИ.

Внешняя политика Японии на перепутье¹

В феврале 2011 г. в стокгольмском Институте политики в области безопасности и развития прошла международная конференция на тему "Внешняя политика Японии на перепутье", посвящённая перспективам становления страны как одного из ведущих игроков в сложившейся после окончания "холодной войны" новой геополитической игре.

Представляется важным напомнить, что ровно через месяц после этой конференции на восточное побережье Японии обрушилось "Великое восточное землетрясение", или "Тройная национальная катастрофа", как её стали называть в стране. Катастрофой были последствия самого землетрясения, вызвавшего волну цунами, которая разрушила три из шести реакторов АЭС "Фукусима-1".

Материалы конференции были опубликованы спустя несколько месяцев после этого природного катаклизма без каких-либо упоминаний о нём, а также комментариев, которые помогли бы оценить его последствия. Сам этот факт являлся ответом на многочисленные спекуляции, появившиеся в прессе после 11 марта 2011 г. на тему "конца Японии как великой державы". Уже к исходу того года можно было смело утверждать, что "Япония не замкнулась в себе" (по выражению бывшего премьер-министра Ё. Ноды, прозвучавшему на осенней сессии Генеральной Ассамблеи ООН 2011 г.), а все основные тенденции во внешней политике одной из ведущих мировых держав, которые были отмечены в ходе обсуждаемой конференции, сохраняют актуальность.

В сборнике, составленном по её итогам, представлены пять тематически взаимосвязанных докладов, затрагивающих ключевые аспекты японской внешней политики: "Доктрина Ёсиды в неизведанных водах" (шведского япониста Берта Эдстрёма), "Китай и США как "альтернативы" в дипломатии Демократической партии Японии" (Гибурга Деламотта), "Япония и Китай: сложность и взаимозависимость" (Рейнхарда Дрифте), Японская Официальная помощь в целях развития и инициативы по мирному строительству" (Мари Сёдерберг), "Потеря японской идентичности?" (Кадзуки Иванаги).

Архитектором процесса восстановления и быстрого развития страны по праву считается первый послевоенный премьер-министр Японии С. Ёсида, занимавший этот пост с 1946 по 1954 г. (с перерывом в 1,5 года).

* terekhovvl@rambler.ru.

¹ Рецензия на книгу: Japan's Foreign Policy in Transition: The Way Forward for Japan as an International Actor in a World in Flux / ed. by Bert Edström ; Inst. for Security and Development Policy. Stockholm, 2011. 74 p.

В катастрофических итогах завершившейся войны он нашёл подтверждение своим предвоенным мыслям о том, что "военный путь решения накапливавшихся внутренних проблем заведёт в тупик"². Естественно, что наиболее важные решения во внутривнутриполитической жизни ("носившие революционный характер") принимались под контролем оккупационных властей, для которых фигура С. Ёсиды как главы правительства Японии оказалась наиболее приемлемой.

Б. Эдстрём приводит следующую фразу из мемуаров С. Ёсиды: "...Цивилизованные стандарты жизни для островного населения [лишённого полезных ископаемых] можно обеспечить только расширением объёмов заморской торговли". Заложенный в ней политический постулат явился коренным отходом от "самурайской" идеологии эпохи Мэйдзи – "Богатая страна – сильная армия"³. "Доктрина Ёсиды", которую он сам никогда не формулировал в законченном виде, трактуется по-разному. В самом общем виде она включает в себя два положения: основное внимание необходимо уделить экономическому восстановлению и развитию Японии, а для достижения этой цели передать проблемы обороны в руки США. "В конце концов, благодаря данной стратегии Япония стала тем, что она есть сегодня в мировой политике", – констатирует Б. Эдстрём.

"Каучуковый" же характер "доктрины Ёсиды" предоставлял немалую возможность адаптации текущей политики Японии к меняющимся внешним и внутренним условиям. В частности, наряду с укреплением военно-политических связей с США в последние годы наблюдается постепенный отказ от ограничений, зафиксированных как в послевоенной Конституции страны, так и в правительственных постановлениях. Отчётливо наблюдается тенденция к выравниванию весовости участников американо-японского альянса и большей самостоятельности Японии в формировании внешнеполитического курса.

В связи с этим возникает естественный вопрос: как долго в новых условиях будет успешно проходить испытание на прочность весьма (но не бесконечно) растяжимая "доктрина Ёсиды"? Или её время заканчивается? Б. Эдстрём ограничивается постановкой подобного вопроса и, видимо, не знает ответа на него. Впрочем, сегодня от исследователя нельзя требовать большего.

Тему эволюции японской внешней политики в период после "холодной войны" обсуждает К. Иванага. Для описания характера этой эволюции автор использует термин "модифицирующаяся непрерывность" (*modified continuity*), заимствованный у немецких политологов, которым они определяли процесс постепенной внешнеполитической "нормализации" главного союзника Японии во Второй мировой войне. К. Иванага отмечает, однако, что в Германии этот процесс протекал значительно быстрее, чем в Японии⁴. Уже в 1999 г. признаком "нормализации" первой стало участие бундесвера в военных действиях стран НАТО в Косове.

² Edström B. The Yoshida Doctrine in Uncharted Waters / Bert Edström // Japan's Foreign Policy in Transition ... P. 7.

³ Ibid. P. 16.

⁴ Iwanaga K. Japan's Paradigm Lost? / Kazuki Iwanaga // Japan's Foreign Policy in Transition ... P. 59.

Событием, после которого в Японии начали размышлять о необходимости собственной "нормализации", принято считать войну в Персидском заливе 1990–1991 гг. Тогда Япония в очередной раз проигнорировала участие в крупной совместной военной акции западных стран, предоставив только медицинский персонал и оплатив расходы. Это вызвало уже откровенное раздражение в Вашингтоне. За прошедшие с тех пор 20 лет процесс "нормализации" Японии эволюционировал от "дипломатии чековой книжки" к участию в "небоевых действиях" в Ираке и Афганистане.

Однако для США, ключевого союзника Японии, это всё ещё "не то". Причём формальные ограничения на характер использования за рубежом японских ВС, накладываемые "антивоенной" ст. 9 национальной Конституции, носят скорее "инструментальный" характер. Как отметил в своём докладе К. Иванага, в Японии до сих пор не решён фундаментальный вопрос "о соотношении [вооружённой] силы и дипломатии". Слишком резкий крен в сторону первой чреват имиджевыми потерями в странах АТР, среди которых (с помощью экономических рычагов и дипломатии) удалось создать образ Японии – мирной страны. А это, в свою очередь, способствовало существенному "стиранию негативной памяти" у народов этих стран о совсем другой Японии – периода Второй мировой войны.

Впрочем, так же, как и Б. Эдстрём, К. Иванага прогнозирует неизбежность "...реструктурирующих, драматических и всесторонних изменений..." в системе внешнеполитических отношений Японии. Он тоже считает, что "некоторые из трендов" в ситуации, складывающейся на Корейском полуострове, в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, "делают "доктрину Ёсиды" устаревшей"⁵.

К этому следует добавить важный фактор всё более стремительного развития событий в АТР, что стало особенно заметно в прошедшие с момента проведения конференции два года. Их настораживающая логика (а не столько американское "давление") с неизбежностью будет способствовать ускорению процесса "нормализации" Японии.

Поводом для обсуждения темы "альтернативы" (США – КНР) во внешнеполитическом курсе Японии послужили некоторые особенности предвыборной кампании Демократической партии Японии (ДПЯ) 2009 г. Осенью того года она в ходе выборов в нижнюю палату парламента страны убедительно обошла Либерально-демократическую партию (ЛДП), правившую страной предыдущие 50 лет. Накануне и в первые месяцы после выборов тогдашний лидер ДПЯ Ю. Хатояма позволял себе выпады в адрес США, сопровождавшиеся заявлениями о необходимости "перефокусирования" японской внешней политики на Азию.

В частности, в статье, опубликованной в газете "Нью-Йорк таймс" за несколько дней до выборов, Ю. Хатояма говорил о "конце эры США". В ходе же визита в КНР (уже в должности премьер-министра), состоявшегося через месяц после выборов, он выдвинул идею о превращении Восточно-Китайского моря в "море японо-китайского братства". Г. Деламотт верно отмечает, что подобные заявления на самом деле представляли собой не более чем рефлексию квазилевых группировок из той

⁵ Iwanaga K. Op. cit. P. 61.

политической мешанины, каковой является ДПЯ. Сегодня в условиях предкризисной ситуации во внутривнутриполитической жизни страны появляется перспектива развала ДПЯ, "сшитой" в конце 90-х гг. "на живую нитку". Уход одного из её основателей, И. Одзавы, вместе с полсотней членов парламента летом 2012 г. говорит о реальности подобной перспективы.

Что касается первоначальных "антиамериканских" и "прокитайских" внешнеполитических инвектив со стороны лидеров ДПЯ, то, как полагает Г. Деламотт, они имели и меркантильные цели: добиться снижения уровня расходов Японии на содержание группировки американских войск, расквартированных в стране. Но этот скрытый шантаж был обречён на неудачу, хотя бы в силу проблем с финансированием обороны в самих США.

В Вашингтоне, видимо, просто набрались терпения и ждали, когда японо-китайские отношения войдут в свои "обычные" рамки растущей напряжённости. Что и произошло уже весной 2010 г. после прохода группы китайских боевых кораблей ("с развевающимися знамёнами") через пролив южнее Окинавы на учения в Тихий океан. Как говорит Г. Деламотт, "в условиях роста Китая Япония не только не может отказаться, но даже понизить уровень значимости союза с США"⁶.

Примечательно, что к тому же пессимистическому выводу относительно перспектив японо-китайских отношений пришёл и Р. Дрифте, рассмотревший в своём докладе такую, казалось бы, благодарную для оптимистичных прогнозов тему, как развитие двусторонних экономических связей. Действительно, Китай является главным внешнеэкономическим партнёром Японии, а на зарубежных заводах её ведущих компаний 32 % рабочих – китайцы. Тем не менее Р. Дрифте констатирует, что в нынешней связке "Япония – Китай" в очередной раз проходит испытание известный тезис о благотворном влиянии торговли на межгосударственные отношения, поскольку "...проблемы существенны и становятся очевидным накоплением негативного потенциала в политических и экономических отношениях" между обеими странами⁷.

Автор доклада отмечает, что эти проблемы имеют исторические корни, которые актуализируются текущей политикой. По его мнению, негативы последней особенно заметны в проблематике размежевания в Восточно-Китайском море, а также (правда, в более скрытой форме) в тайваньской проблеме. К этому можно добавить, что за прошедшие два года наметился ещё один район японо-китайских трений, а именно Южно-Китайское море. Иначе говоря, конкурентное позиционирование обеих ведущих азиатских держав может распространиться на всю "дугу нестабильности", простирающуюся от Корейского полуострова до Малаккского пролива.

Тема патронируемой ООН Официальной помощи в целях развития (Official Development Assistance – ODA) и её роли в японской внешней политике вполне оправданно рассматривалась в отдельном докладе. Япония долгое время (с 1989 г. и до конца 90-х гг.) являлась главным донором в этой программе. По словам М. Сёдерберг, именно в период

⁶ *Delamotte G.* China and the United States as "Alternatives" in the Diplomacy of the Democratic Party of Japan / Guibourg Delamotte // Japan's Foreign Policy in Transition ... P. 30.

⁷ *Drifte R.* Japan and China: The Complexities of Interdependence / Reinhard Drifte // Japan's Foreign Policy in Transition ... P. 38.

лидерства по оказанию помощи в рамках ОДА Япония стала превращаться в геополитического игрока и начала решать проблемы, неизбежно сопровождающие её новые позиции и амбиции в мире⁸.

М. Сёдерберг отмечает, что инструментальность японской ОДА по отношению к решению национальных проблем наблюдалась давно. Так, в период "нефтяного кризиса" 1973 г. резко возрос объём помощи странам Персидского залива. С этого момента обеспечение национальной экономики разнообразным импортным сырьём становится важнейшей целью японской внешней политики, для чего используются различные инструменты, включая программу ОДА.

Упомянутая тенденция "инструментализации" в 70-е гг. японской экономической помощи вписалась в общую тенденцию по расширению трактовки самих категорий "безопасность" и "средства её обеспечения". В 1979 г. специальной рабочей группой, образованной тогдашним премьер-министром М. Охирой, в факторы, имеющие прямое отношение к проблематике безопасности, помимо военного компонента, было включено (в том числе) и гарантированное обеспечение ресурсами и продуктами питания⁹. Поскольку, как полагает М. Сёдерберг, "антивоенная" ст. 9 национальной Конституции просуществует, по крайней мере, "в течение нескольких последующих лет", "секьюритизация" ОДА приобрела особое значение во внешней политике Японии.

В заключение следует отметить, что нынешний внешнеполитический курс всех основных участников новой мировой "большой игры", включая Японию, во всё большей степени оказывается под воздействием зарождающейся глобальной "воронки" с центром на этот раз не в Европе (как это было в последние столетия), а в районе западного побережья Тихого океана.

В этих условиях количество степеней свободы внешнеполитического маневрирования основных игроков (не говоря уже о второстепенных) резко сокращается, "ходы" каждого из них носят почти вынужденный характер, что часто случается в шахматных партиях на определённом этапе. При этом резко возрастает цена ошибочных действий, которые становятся неизбежным следствием отсутствия ясного видения картины происходящего в мире, адекватной оценки собственного потенциала и отсутствия чётко поставленных (в соответствии с первым и вторым) целей.

Решать указанные проблемы призвана "большая стратегия", отсутствие которой у Японии ("в условиях быстрых изменений в АТР"¹⁰) констатировал на конференции К. Иванага. (С сожалением добавим, что не только у Японии.) Столь же общий характер, видимо, носит и его вывод о том, что "пошаговость" (*case-by-casesism*) в подходах к адаптации проблем безопасности и внешней политики уже не соответствует реалиям XXI в.

⁸ *Söderberg M.* Japanese ODA and Initiatives for Peace Building / Marie Söderberg // Japan's Foreign Policy in Transition ... P. 44.

⁹ *Söderberg M.* Op. cit. P. 52.

¹⁰ *Iwanaga K.* Op. cit. P. 61.